Классика научной мысли

Шмитт Карл (1888 – 1987) — немецкий правовед, социолог и политолог. Один из самых неординарных социально-политических мыслителей XX в. За оригинальность и противоречивость трактовки «политического» его называли «современным Макиавелли», «коронованным юристом фашистского режима».

В своих философских взглядах испытал значительное влияние своего современника Мартина Хайдеггера. Главный принцип философии права К. Шмитта была идея о безусловном главенстве политических принципов над всеми критериями жизни социума. Политику он рассматривал как независимое социальное начало, во многом определяющее экономику, право, этику. Политика для него имеет своим предметом нечто большее, чем управление государством. Будучи тесно связана с государством, она имеет более глубокие корни и свой онтологический статус. Если право призвано регулировать сложившиеся отношения в обществе, то дело политики — непредвиденное, уникальное, возможное и не поддающееся нормированию.

К. Шмитт резко критиковал либерализм, который, по его мнению, растворял «политическое» в экономической конкуренции и этических разногласиях. Главные нападки на него со стороны либералов обусловлены тем, что он гипертрофировал значение дихотомии «друг — враг» и понятие «войны». Принцип разделения на друзей и врагов — это та демаркационная линия, за которой, по мнению мыслителя, начинается сфера политического. Противники Шмитта отмечают, что современный мир движим стремлением к взаимовыгодному сотрудничеству и рассматривать его сквозь призму «друзей и врагов» — это анахронизм. Сторонники Шмитта утверждают, что до тех пор, пока на планете существуют государства, сохраняется возможность их столкновения, а значит, «политическое» не утратит своей предметной сферы.

© Жовтун Д.Т., 2011

Карл Шмитт

Понятие политического

Понятие государства предполагает понятие политического. Согласно сегодняшнему словоупотреблению, государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости. Таково предварительное описание, а не определение понятия государства. Но здесь, где речь идёт о сущности политического, это определение и не требуется. […] Государство по смыслу самого слова и по своей исторической явленности есть особого рода состояние народа, именно такое состояние, которое в решающем случае оказывается наиважнейшим (maBgebend), а потому в противоположность многим мыслимым индивидуальным и коллективным статусам это просто статус, статус как таковой. Большего первоначально не скажешь. Оба признака, входящие в это представление: статус и народ, — получают смысл лишь благодаря более широкому признаку, т. е. политическому, и, если неправильно понимается сущность политического, они становятся непонятными.

Редко можно встретить ясное определение политического. По большей части слово это употребляется лишь негативным образом, в противоположность другим понятиям в таких антитезах, как «политика и хозяйство», «политика и мораль», «политика и право», а в праве это опять-таки антитеза «политика и гражданское право» и т. д. […] Государство тогда оказывается чем-то политическим, а политическое чем- то государственным, и этот круг в определениях явно неудовлетворителен.

В специальной юридической литературе имеется много такого рода описаний политического, которые, однако, коль скоро они не имеют политически-полемического смысла, могут быть поняты, лишь исходя из практически-технического интереса в юридическом или административном разрешении единичных случаев. […]

Такого рода определения, отвечающие потребностям правовой практики, ищут в сущности лишь практическое средство для отграничения различных фактических обстоятельств, выступающих внутри государства в его правовой практике, н целью этих определений не является общая дефиниция политического как такового. Поэтому они обходятся отсылками к государству или государственному, пока государство и государственные учреждения могут приниматься за нечто само собой разумеющееся и прочное. Понятны, а поскольку и научно оправданны также и те общие определения понятия политическо-

---

* Печатается с сокращениями по: *Шмитт К.* Понятие политического//Антология мировой политической мысли. В пяти томах. II том. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: «Мысль». 1997. С. 290–310.

го, которые не содержат в себе ничего, кроме отсылки[1] к «государству», покуда государство действительно есть чёткая, однозначно определённая величина и противостоит негосударственным и именно потому «неполитическим» группам и «неполитическим» вопросам, т. е. пока государство обладает монополией на политическое.

Напротив, приравнивание «государственного к политическому» становится неправильным и начинает вводить в заблуждение, чем больше государство и общество начинают пронизывать друг друга; все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными, и наоборот: все дела, прежде бывшие «лишь» общественными, становятся государственными, как это необходимым образом происходит при демократически организованном общественном устройстве (Gemeinwesen). Тогда области, прежде «нейтральные» — религия, культура, образование, хозяйство, — перестают быть «нейтральными» (в смысле негосударственными и неполитическими). В качестве полемического контрпонятия против таких нейтрализаций и деполитизаций важных предметных областей выступает тотальное государство тождественности государства и общества, не безучастное ни к какой предметной области, потенциально всякую предметную область захватывающее. Вследствие этого в нем все, по меньшей мере возможным образом, политично, и отсылка к государству более не в состоянии обосновать специфический различительный признак «политического». […]

Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Ведь политическое имеет свои собственные критерии, начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действования, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому. Поэтому политическое должно заключаться в собственных последних различениях, к которым может быть сведено все в специфическом смысле политическое действование. Согласимся, что в области морального последние различения суть «доброе» и «злое»; в эстетическом — «прекрасное» и «безобразное»; в экономическом — «полезное» и «вредное» или, например, «рентабельное» и «нерентабельное». Вопрос тогда состоит в том, имеется ли также особое, иным различениям, правда, не однородное и не аналогичное, но от них все-таки независимое, самостоятельное и как таковое уже очевидное различение как простой критерий политического и в чем это различение состоит.

Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различение друга и врага. Оно даёт определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различение невыводимо из иных критериев, такое различение применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: добро-

му и злому в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т. д. Во всяком случае оно самостоятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним. Если противоположность доброго и злого просто, без дальнейших оговорок не тождественна противоположности прекрасного и безобразного или полезного и вредного и ее непозволительно непосредственно редуцировать к таковым. то тем более непозволительно спутывать или смешивать с одной из этих противоположностей противоположность друга и врага. Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различение может существовать теоретически и практически независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различения. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой[2] и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего[3].

Возможность правильного познания и понимания, а тем самым и полномочное участие в обсуждении и произнесении суждения даются здесь именно и только экзистенциальным участием и причастностью. Экстремальный конфликтный случай могут ладить между собой лишь сами участники; лишь самостоятельно может каждый из них решить, означает ли в данном конкретном случае инобытие чужого отрицание его собственного рода существования, и потому оно [инобытие чужого] отражается или побеждается, дабы сохранен был свой собственный, бытийственный род жизни. В психологической реальности легко напрашивается трактовка врага как злого и безобразного, ибо всякое различение и разделение на группы, а более всего, конечно, политическое как самое сильное и самое интенсивное из них привлекает для поддержки все пригодные для этого различения. Это ничего не меняет в самостоятельности таких противоположностей. А отсюда следует и обратное: морально злое, эстетически безобразное или экономически вредное от этого еще не оказываются врагом; морально доброе. Эстетически прекрасное и экономически полезное еще не становятся другом в специфическом, т. е. политическом, смысле слова. Бытийственная предметность и самостоятельность политического проявляются уже в этой возможности отделить такого рода специфическую противоположность, как «друг враг», от других различений и понимать ее как нечто самостоятельное. […]

Понятия «друг» и «враг» следует брать в их конкретном, экзистенциальном смысле, а не как метафоры или символы; к ним не должны подмешиваться, их не должны ослаблять экономические, моральные и иные представления, и менее всего следует понимать их психологически, в частноиндивидуалистическом смысле, как выражение приватных чувств и тенденций. «друг» и «враг» — противоположности не нормативные и не «чисто духовные». Либерализм, для которого типична дилемма «дух — экономика» (более подробно рассмотренная ниже в разделе восьмом), попытался растворить врага со стороны торгово-деловой в конкуренте, а со стороны духовной в дискутирующем оппоненте. Конечно, в сфере экономического врагов нет, а есть лишь конкуренты; в мире, полностью морализованном и этизированном, быть может, уже остались только дискутирующие оппоненты. Все равно, считают ли это предосудительным или нет, усматривают ли атавистический остаток варварских времён в том, что народы реально подразделяются на группы друзей и врагов, или есть надежда, что однажды это различение исчезнет с лица земли; а также независимо от того, хорошо ли и правильно ли (по соображениям воспитательным) выдумывать, будто врагов вообще больше нет, — все это здесь во внимание не принимается. Здесь речь идёт не о фикциях и нормативной значимости, но о бытийственной действительности и реальной возможности этого различения. Можно разделять или не разделять эти надежды и воспитательные устремления; то, что народы группируются по противоположности «друг — враг», что эта противоположность и сегодня действительна и дана как реальная возможность каждому политически существующему народу, — это разумным образом отрицать невозможно.

Итак, враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере эвентуально, т. е. по реальной возможности, — это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным. [...] Врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть, и лишь в сфере приватного имеет смысл любить «врага своего», т. е. своего противника. [...]

Политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг — враг». Внутри государства как организованного политического единства, которое как целое принимает для себя решение о друге и враге, наряду с первичными политическими решениями и под защитой принятого решения возникают многочисленные вторичные понятия о «политическом». Сначала это происходит при помощи рассмотренного в разделе первом отождествления политического с государ-

ственным. Результатом такого отождествления оказывается, например, противопоставление «государственно-политической» позиции партийно-политической или же возможность говорить о политике в сфере религии, о школьной политике, коммунальной политике, социальной политике и т. д. самого государства. Но и здесь для понятия политического конститутивны противоположность и антагонизм внутри государства (разумеется, релятивированные существованием государства как охватывающего все противоположности политического единства). Наконец, развиваются еще более ослабленные, извращённые до паразитарности и карикатурности виды «политики», в которых от изначального разделения на группы «друг — враг» остается уже лишь какой-то антагонистический момент, находящий своё выражение во всякого рода тактике и практике, конкуренции и интригах и характеризующий как «политику» самые диковинные гешефты и манипуляции. Но вот то, что отсылка к конкретной противоположности содержит в себе существо политических отношений, выражено в обиходном словоупотреблении даже там, где уже полностью потеряно сознание «серьёзного оборота дел».

Повседневным образом это позволяют видеть два легко фиксируемых феномена. Во-первых, все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть (находящее выражение в войне или революции) разделение на группы «друг враг», и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает. Такие слова, как «государство». «республика», «общество», «класс» и, далее. «суверенитет». «правовое государство». «абсолютизм», «диктатура», «план», «нейтральное государство» или «тотальное государство» и т. д., непонятны, если неизвестно кто in konkreto должен быть поражён, побеждён, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова. Преимущественно полемический характер имеет и употребление в речи самого слова «политический», все равно, выставляют ли противника в качестве «неполитического»[5] (т. е. того, кто оторван от жизни, упускает конкретное) или же, напротив, стремятся дисквалифицировать его, донести на него как на «политического», чтобы возвыситься над ним в своей «неполитичности» («неполитическое» здесь имеет смысл чисто делового, чисто научного, чисто морального, чисто юридического. чисто эстетического, чисто экономического или сходных оснований полемической чистоты). Во- вторых, способ выражения, бытующий в актуальной внутри- государственной полемике, часто отождествляет ныне «политическое» с «партийно-политическим»; неизбежная «необъективность» всех политических решений, являющаяся лишь отражением имманентного всякому политическому поведению различения «друг — враг», находит затем выражение в том, как убоги формы, как узки горизонты партийной политики, когда речь идёт о замещении должностей, о прибыльных местечках; вырастающее отсюда требование «денолитизации» означает лишь

преодоление партийно-политического и т. д. Приравнивайте политического к партийнополитическому возможно, если теряет силу идея охватывающего, релятивирующего все внутриполитические партии и их противоположности политического единства («государства»), и вследствие этого внутригосударственные противоположности обретают большую интенсивность, чем общая внешнеполитическая противоположность другому государству. Если партийно-политические противоположности внутри государства без остатка исчерпывают собой противоположности политические, то тем самым достигается высший предел «внутриполитического» ряда, т. е. внутригосударственное, а не внегосударственное разделение на группы «друг — враг» имеет решающее значение для вооружённого противостояния. Реальная возможность борьбы, которая должна всегда наличествовать, дабы речь могла вестись о политике, при такого рода «примате внутренней политики» относится, следовательно, уже не к войне между организованными единствами народов (государствами или империями), но к войне гражданской.

Ибо понятие «враг» предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы. Тут надо отрешиться от всех случайных, подверженных историческому развитию изменений в технике ведения войны и изготовления оружия. Война есть вооружённая борьба между организованными политическими единствами, гражданская война — вооружённая борьба внутри некоторого (становящегося, однако, в силу этого проблематическим) организованного единства. Существенно в понятии оружия то, что речь идёт о средстве физического убийства людей. Так же, как и слово «враг», слово «борьба» следует здесь понимать в смысле бытийственной изначальности. Оно означает не конкуренцию, не чисто духовную борьбу-дискуссию, не символическое борение, некоторым образом всегда совершаемое каждым человеком, ибо ведь и вся человеческая жизнь есть борьба и всякий человек — борец. Понятия «друг», «враг» и «борьба» свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотнесены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то нормальным, но ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, а скорее, она должна оставаться в наличии как реальная возможность, покуда смысл имеет понятие врага.

Итак, дело отнюдь не обстоит таким образом, словно бы политическое бытие (Dasein) — это не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие — это действие военное и боевое, словно бы всякий народ непрерывно и постоянно был относительно всякого иного народа поставлен перед альтернативой «друг или враг», а политически правильным не могло бы быть именно избежание войны. Даваемая здесь дефиниция политического не является ни беллицистской[6] или милитаристской, ни империалистиче-

ской, ни пацифистской. Она не является также попыткой выставить в качестве социального идеала победоносную войну или удачную революцию, ибо ни война, ни революция не суть ни нечто социальное, ни нечто идеальное. […].

Поэтому «друг — враг» как критерий различения тоже отнюдь не означает, что определённый народ вечно должен быть другом или врагом определённого другого народа или что нейтральность невозможна или не могла бы иметь политического смысла. Только понятие нейтральности, как и всякое политическое понятие, тоже в конечном счёте предполагает реальную возможность разделения на группы «друг — враг», а если бы на земле оставался только нейтралитет, то тем самым конец пришёл бы не только войне, но и нейтралитету как таковому, равно как и всякой политике, в том числе и политике по избеганию войны, которая кончается, как только реальная возможность борьбы отпадает. Главное значение здесь имеет лишь возможность этого решающего случая, действительной борьбы, и решение о том, имеет ли место этот случай или нет.

Исключительность этого случая не отрицает его определяющего характера, но лишь она обосновывает его. Если войны сегодня не столь многочисленны и повседневны, как прежде, то они все-таки настолько же или, быть может, еще больше прибавили в одолевающей мощи, насколько убавили в частоте и обыденности. Случай войны и сегодня «серьёзный оборот дел». Можно сказать, что здесь, как и в других случаях, исключение имеет особое значение, играет решающую роль и обнажает самую суть вещей. Ибо лишь в действительной борьбе сказываются крайние последствия политического разделения на группы друзей и врагов. От этой чрезвычайной возможности жизнь людей получает своё специфически политическое напряжение.

Мир, в котором была бы полностью устранена и исчезла бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворённый земной шар, стал бы миром без различения друга и врага и вследствие этого миром без политики. В нем, быть может, имелись бы множество весьма интересных противоположностей и контрастов, всякого рода конкуренция и интриги, но не имела бы смысла никакая противоположность, на основании которой от людей могло бы требоваться самопожертвование и им давались бы полномочия проливать кровь и убивать других людей. И тут для определения понятия «политическое» тоже не важно, желателен ли такого рода мир без политики как идеальное состояние. Феномен «политическое» можно понять лишь через отнесение к реальной возможности разделения на группы друзей и врагов, все равно, что отсюда следует для религиозной, моральной, эстетической, экономической оценки политического.

Война как самое крайнее политическое средство вскрывает лежащую в основе всякого политического представления возможность этого различения друга и врага и потому имеет смысл лишь до тех пор, пока это представление реально наличествует или по меньшей мере реально возможно в че-

ловечестве. Напротив, война, которую ведут по «чисто» религиозным, «чисто» моральным, «чисто» юридическим или «чисто» экономическим мотивам, была бы противна смыслу. Из специфических противоположностей этих областей человеческой жизни невозможно вывести разделение по группам друзей и врагов, а потому и какую-либо войну тоже. Войне не нужно быть ни чем-то благоспасительным, ни чем-то морально добрым, ни чем-то рентабельным; ныне она, вероятно, ничем из этого не является. Этот простой вывод по большей части затуманивается тем, что религиозные, моральные и другие противоположности усиливаются до степени политических и могут вызывать образование боевых групп друзей или врагов, которое имеет определяющее значение. Но если дело доходит до разделения на такие боевые группы, то главная противоположность больше уже не является чисто религиозной, моральной или экономической, она является противоположностью политической. Вопрос затем состоит всегда только в том, наличествует ли такое разделение на группы друзей и врагов как реальная возможность или как действительность или же его нет независимо от того, какие человеческие мотивы оказались столь сильны, чтобы его вызвать.

Ничто не может избежать неумолимых следствий политического. Если бы враждебность пацифистов войне стала столь сильна, что смогла бы вовлечь их в войну против непацифистов, в некую войну против войны, то тем самым было бы доказано, что она имеет действительно политическую силу, ибо крепка настолько, чтобы группировать людей как друзей и врагов. Если воля воспрепятствовать войне столь сильна, что ей не страшна больше сама война, то, значит, она стала именно политическим мотивом, т. е. она утверждает, пусть даже лишь как вероятную возможность, войну и даже смысл войны. В настоящее время это кажется самым перспективным способом оправдания войны. Война тогда разыгрывается в форме «последней окончательной войны человечества». Такие войны — это войны по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умалять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое должно быть не только отогнано, но и окончательно уничтожено, т. е. не является более только подлежащим водворению обратно в свои пределы врагом. Но в возможности таких войн особенно явственно сказывается то. что сегодня война как возможность еще вполне реальна, а только об этом и идёт речь при различении друга и врага и познании политического. […]

Всякая противоположность — религиозная, моральная, экономическая или этническая — превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но, как сказано, в определяемом этой реальной возможностью поведе-

нии, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага. Религиозное сообщество, которое как таковое ведёт войны, будь то против членов другого религиозного сообщества, будь то иные, есть — помимо того что оно является сообществом религиозным — некое политическое единство. Оно является политической величиной даже тогда, когда лишь в негативном смысле имеет возможность влиять на этот чрезвычайно важный процесс, когда в состоянии препятствовать войнам путем запрета для своих членов, т. е. решающим образом отрицать качества врага за противником. То же самое относится к базирующемуся на экономическом фундаменте объединению людей, например промышленному концерну или профсоюзу. Так же и «класс» в марксистском смысле слова перестаёт быть чем-то чисто экономическим и становится величиной политической, если достигает этой критической точки, т. е. принимает всерьёз классовую «борьбу», рассматривает классового противника как действительного врага и борется против него, будь то как государство против государства, будь то внутри государства, в гражданской войне. Тогда действительная борьба необходимым образом разыгрывается уже не по экономическим законам, но наряду с методами борьбы в узком, техническом смысле имеет свою политическую необходимость и ориентацию, коалиции, компромиссы и т. д.

Если внутри некоего государства пролетариат добивается для себя политической власти, то возникает именно пролетарское государство, которое является политическим образованием в не меньшей мере, чем национальное государство, государство священников, торговцев или солдат, государство чиновников или какая-либо иная категория политического единства. Если по противоположности пролетариев и буржуа удаётся разделить на группы друзей и врагов все человечество в государствах пролетариев и государствах капиталистов, а все иные разделения на группы друзей и врагов тут исчезнут, то явит себя вся та реальность политического, какую обретают все эти первоначально якобы чисто экономические понятия. Если политической мощи класса или иной группы внутри некоторого народа хватает лишь на то, чтобы воспрепятствовать всякой войне, какую следовало бы вести вовне, но нет способности или воли самим взять государственную власть, самостоятельно различать друга и врага и в случае необходимости вести войну, тогда политическое единство разрушено.

Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь

сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отодвигает на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные — и оказывается в подчинении у совершенно новых, своеобразных и с точки зрения этого исходного пункта, т. е. «чисто» религиозного, «чисто» хозяйственного или иного, часто весьма непоследовательных и «иррациональных» условий и выводов отныне уже политической ситуации. Во всяком случае группирование, ориентирующееся на серьёзный оборот дел, является политическим всегда. И потому оно всегда есть наиважнейшее разделение людей на группы, а потому и политическое единство, если оно вообще наличествует, есть наиважнейшее «суверенное» единство в том смысле, что по самому понятию именно ему всегда необходимым образом должно принадлежать решение относительно самого важного случая, даже если он исключительный.

Здесь весьма уместно слово «суверенитет», равно как и слово «единство». Оба они отнюдь не означают, что каждая частность существования всякого человека, принадлежащего к некоему политическому единству, должна была бы определяться исходя из политического и находиться под его командованием или же что некая централистская система должна была бы уничтожить всякую иную организацию или корпорацию. Может быть так, что хозяйственные соображения окажутся сильнее всего, что желает правительство якобы экономически нейтрального государства; в религиозных убеждениях власть якобы конфессионально нейтрального государства равным образом легко обнаруживает свои пределы. Речь же всегда идёт о случае конфликта. Если противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что принимают решение, о серьёзном обороте дел исходя из своих специфических критериев, то именно тут они и стали новой субстанцией политического единства. Если они недостаточно могущественны, чтобы предотвратить войну, решение о которой принято вопреки их интересам и принципам, то обнаруживается, что критической точки политического они не достигли. Если они достаточно могущественны, чтобы предотвратить войну, желательную их государственному руководству, но противоречащую их интересам или принципам, однако недостаточно могущественны, чтобы самостоятельно, по своим критериям и по своему решению назначать [bestimmen] войну, то в этом случае никакой единой политической величины в наличии больше нет. Как бы то ни было, вследствие ориентации на возможность серьёзного оборота дел, т. е. действительной борьбы против действительного врага, политическое единство необходимо либо является главенствующим для разделения на группы друзей или врагов единством и в этом (а не в каком-либо абсолютистском) смысле оказывается суверенным, либо же его вообще нет. […]

Государству, как сущностно политическому единству, принадлежит jus belli, т. е. реальная возможность в некоем данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом. Какими техническими средствами ведется борьба, какая существует организация войска, сколь велики виды на победу в войне, здесь безразлично, покуда политически единый народ готов бороться за своё существование и свою независимость, причём он в силу собственного решения определяет, в чем состоит его независимость и свобода. Развитие военной техники ведёт, кажется, к тому, что остаются еще, может быть, лишь немногие государства, промышленная мощь которых позволяет им вести войну, в то время как малые и более слабые государства добровольно или вынужденно отказываются от jus belli, если им не удаётся посредством правильной политики заключения союзов сохранить свою самостоятельность. Это развитие отнюдь не доказывает, что война, государство и политика вообще закончились. Каждое из многочисленных изменений и переворотов в человеческой истории и развитии порождало новые формы и новые измерения политического разделения на группы, уничтожало существовавшие ранее политические образования, вызывало войны внешние и войны гражданские и то умножало, то уменьшало число организованных политических единств.

Государство как наиважнейшее политическое единство сконцентрировало у себя невероятные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью людей. Ибо jus belli, содержит в себе такое полномочие; оно означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага. Но эффект, производимый нормальным государством, состоит, прежде всего, в том, чтобы ввести полное умиротворение внутри государства и принадлежащей ему территории, установить «спокойствие, безопасность и порядок» и тем самым создать нормальную ситуацию, являющуюся предпосылкой того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо всякая норма предполагает нормальную ситуацию и никакая норма не может быть значима в совершенно ненормальной применительно к ней ситуации.

В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самовластно, покуда оно существует, определяет и «внутреннего врага». […] Это в зависимости от поведения того, кто объявлен врагом, является знаком гражданской войны, т. е. разрушения государства как некоего в себе умиротворенного. территориально в себе замкнутого и непроницаемого для чужих, организованного политического единства. Через гражданскую войну решается затем дальнейшая судьба этого единства. К конституционному, гражданскому, правовому государству это относится в не меньшей степени, чем к любому другому государству, а пожалуй, даже считается тут еще более

несомненным, несмотря на все ограничения, налагаемые конституционным законом на государство. […]

В экономически функционирующем обществе достаточно средств, чтобы выставить за пределы своего кругооборота и ненасильственным, «мирным» образом обезвредить побежденного, неудачника в экономической конкуренции или даже «нарушителя спокойствия», говоря конкретно, уморить его голодом, если он не подчиняется добровольно; в чисто культурной, или цивилизационной, общественной системе не будет недостатка в «социальных показаниях», чтобы избавить себя от нежелательных угроз или нежелательного прироста. Но никакая программа. никакой идеал, никакая норма и никакая целесообразность не присвоят права распоряжения физической жизнью других людей, Всерьез требовать от людей, чтобы они убивали людей и были готовы умирать, дабы процветали торговля и промышленность выживших или росла потребительская способность их внуков, — жестоко и безумно. Проклинать войну как человекоубийство. а затем требовать от людей, чтобы они вели войну и на войне убивали и давали себя убивать. чтобы «никогда снова не было войны», — это явный обман. Война, готовность борющихся людей к смерти, физическое убиение других людей, стоящих на стороне врага, — у всего этого нет никакого нормативного смысла, но только смысл экзистенциальный, и именно в реальности ситуации действительной борьбы против действительного врага, а не в каких-то идеалах, программах или совокупностях норм. Нет никакой рациональной цели, никакой сколь бы то ни было правильной нормы, никакой сколь бы то ни было образцовой программы, никакого сколь бы то ни было прекрасного социального идеала, никакой легитимности или легальности, которые бы могли оправдать, что люди за это взаимно убивают один другого. […]

Конструкции, содержащие требование справедливой войны, обычно служат опять-таки какой-либо политической цели. Требовать от образовавшего политическое единство народа, чтобы он вел войны лишь на справедливом основании, есть именно либо нечто само собой разумеющееся, если это значит, что война должна вестись только против действительного врага, либо же за этим скрывается политическое устремление подсунуть распоряжение jus belli в другие руки и найти такие нормы справедливости, о содержании и применении которых в отдельном случае будет решать не само государство, но некий иной, третий, который, таким образом, будет определять, кто есть враг. Покуда народ существует в сфере политического, он должен — хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) — определять различение друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет, он больше уже

не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее. Смысл войны состоит не в том, что она ведется за идеалы или правовые нормы, но в том, что ведется она против действительного врага. Все замутнения этой категории <друг — враг» объясняются смещением с какими-либо абстракциями или нормами. […]

Если часть народа объявляет, что у нее врагов больше нет, то тем самым в силу положения дел она ставит себя на сторону врагов и помогает им, но различение друга и врага тем самым отнюдь не устранено. Если граждане некоего государства заявляют, что лично у них врагов нет, то это не имеет отношения к вопросу, ибо у частного человека нет политических врагов; такими заявлениями он в лучшем случае хочет сказать, что он желал бы выйти из той политической совокупности, к которой он принадлежит по своему тутбытию, и отныне жить лишь как частное лицо, далее, было бы заблуждением верить, что один отдельный народ мог бы, объявив дружбу всему миру или же посредством того, что он добровольно разоружится, устранить различение друга и врага. Таким образом мир не деполитизируется и не переводится в состояние чистой моральности, чистого права или чистой хозяйственности. Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции, то найдется именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его «защиту против внешних врагов» и тем самым политическое господство; покровитель (Schutzherr) определяет затем врага в силу извечной взаимосвязи защиты (Schutz) и повиновения[8]…

Из категориального признака политического следует плюрализм мира государств. Политическое единство предполагает реальную возможность врага, а тем самым и другое, сосуществующее политическое единство. Поэтому на Земле, пока вообще существует государство, есть много государств и не может быть обнимающего всю Землю и все человечество мирового «государства». Политический мир — это не универсум, а плюриверсум. […] Политическое единство, по своему существу, не может быть универсальным, охватывающим все человечество и весь мир единством. Если различные Народы, религии, классы и другие группы обитающих на Земле людей окажутся в целом объединены таким образом, что борьба между ними станет немыслимой и невозможной, то и гражданская война внутри охватывающей всю Землю империи даже как нечто возможное никогда уже не будет фактически приниматься в расчет, т. е. различение друга и врага прекратится даже в смысле чистой эвентуальности, тогда будут лишь свободные от политики мировоззрение, культура, цивилизация, хозяйство, мораль, право, искусство, беседы и т. д., но не будет ни политики, ни государства. Наступит ли, и если да, то когда, такое состояние на Земле и в человечестве, я не знаю. Но пока его нет. Предполагать его существующим было бы бесчестной фикцией. И весьма недолговечным заблуждением было бы мнение, что ныне (поскольку война между великими державами легко перерастает в мировую во-

йну) окончание войны должно представлять собой мир во всем мире и тем самым идиллическое состояние полной и окончательной деполитизации.

Человечество как таковое не может вести никакой войны, ибо у него нет никакого врага, по меньшей мере на этой планете. Понятие «человечество» исключает понятие «враг», ибо и враг не перестает быть человечеством, и тут нет никакого специфического различения. То, что войны ведутся во имя человечества, не есть опровержение этой простой истины, но имеет лишь особенно ярко выраженный политический смысл. Если государство во имя человечества борется со своим политическим врагом, то это не война человечества, но война, для которой определенное государство пытается в противоположность своему военному противнику оккутшровать универсальное понятие, чтобы идентифицировать себя с ним (за счет противника), подобно тому, как можно злоупотребить понятиями «мир», «справедливость», «прогресс», «цивилизация», чтобы истребовать их для себя и отказать в них врагу. «Человечество» особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий и в своей этически-гуманитарной форме это специфическое средство экономического империализма. [...]

Напрашивается, однако, вопрос, каким людям достанется та чудовищная власть, которая сопряжена со всемирной хозяйственной и технической централизацией. [...] Ответить на него можно оптимистическими или пессимистическими предположениями, которые в конечном счете сводятся к некоторому антропологическому исповеданию веры. [...]

Все теории государства и политические идеи можно испытать в отношении их антропологии и затем подразделить в зависимости от того, предполагается ли в ких, сознательно или бессознательно, «по природе злой» или <по природе добрый» человек. Различение имеет совершенно обобщенный характер, его не надо брать в специальном моральном или этическом смысле. Решающим здесь является проблематическое или непроблематическое понимание человека как предпосылки всех дальнейших политических расчетов, ответ на вопрос, является ли человек существом опасным» или безопасным, рискованным или безвредным, *нерискованным*. [...]

Что к этим формулам можно свести в особенности противоположность так называемых авторитарных и анархистских теорий, это я показывал Неоднократно. Часть теорий и конструкций, которые таким образом предполагают, что человек «хорош», либеральным и полемическим образом направлены против вмешательства государства, не будучи в собственном смысле слова анархическими. Когда речь идет об открытом анархизме, то уже совершенно ясно, насколько тесно связана вера в «естественную доброту» с радикальным отрицанием государства. одно следует из другого и взаимно подкрепляется. Напротив, для либерала доброта челсчегі т-те более чем аргумент, с помощью которого государство ставится на службу «обществу»; таким образом, это означает только, что «общество» имеет свой порядок в себе самом.

а государство есть лишь его недоверчиво контролируемый. скованный жестко определенными границами подданный. [...] Враждебный государству радикализм возрастает в той же мере, в какой растет вера в радикальное добро человеческой природы. Буржуазный либерализм никогда не был радикален в политическом смысле. Но само собой разумеется, что его отрицание государства и политического, его нейтрализации, деполитизации и декларации свободы равным образом имеют политический смысл и в определенной ситуации полемически направляются против определенного государства и его политической власти. Только это, собственно, не теория государства и не политическая идея. Правда, либерализм не подверг государство радикальному отрицанию, но, с другой стороны, и не обнаружил никакой позитивной теории государства и никакой собственной государственной реформы, но только попытался связать политическое исходя из этической о и подчинить его экономическому; он создал учение о разделении и взаимном уравновешении «властей», т. е. систему помех и контроля государства, которую нельзя охарактеризовать как теорию государства или как политический конструктивный принцип.

Соответственно сохраняет свою силу то примечательное и весьма беспокоящее многих утверждение, что во всех политических теориях предполагается. что человек — «злое» существо, т. е. он никоим образом не рассматривается как непроблематический, но считается «опасным» и динамичным. [...]

Поскольку же сфера политического в конечном счете определяется возможностью врага. то и политические представления не могут с успехом брать за исходный пункт антропологический «оптимизм». Иначе вместе с возможностью врага они бы отрицали и всякие специфически политические следствия. [...]

Либерализмом последнего столетия все политические представления были своеобразно и систематически изменены и денатурированы. В качестве исторической реальности либерализм столь же мало избег политического, как и любое значительное историческое движение, и даже его нейтрализация и деполитизация, касающаяся образования, хозяйства и т. д., имеют политический смысл. Либералы всех стран вели политику, как и другие люди, и вступали в коалиции также и с нелиберальными элементами и идеями, оказываясь националал-либералами, социал-либералами, свободно-консервативными. либеральными католиками и т. д. В особенности же они связали себя с совершенно нелиберальными, по существу своему политическими и даже ведущими к тотальному государству силами демократии. Вопрос, однако, состоит в том, можно ли из чистого и последовательного понятия индивидуалистического либерализма получить специфически политическую идею. На это следует ответить: нет. Ибо отрицание политического, которое содержится во всяком последовательном индивидуализме. может быть, и приводит к политической практике недоверия всем мыслимым политическим силам и формам госу-

дарства, но никогда не дает подлинно позитивной теории государства и политики. И вследствие этого имеется либеральная политика как полемическая противоположность государственным, церковным или иным ограничениям индивидуальной свободы, торговая политика, церковная и школьная политика, культурная политика, но нет просто либеральной политики, а всегда лишь либеральная критика политики.

Что хозяйственные противоположности стали политическими и что могло возникнуть понятие «хозяйственная властная позиция». только показывает, что точка политического может быть достигнута исходя из хозяйства, как

и всякой предметной области. [...] Экономически фундированный империализм. конечно, попытается ввести на Земле такое состояние, в котором он сможет беспрепятственно применять свои хозяйственные средства власти: эмбарго на кредиты, эмбарго на сырье, разрушение чужой валюты и т. д. — и сможет обходиться этими средствами. Он будет считать (<внеэкономическим насилием». если народ или иная группа людей попытается избежать действия этих «мирных» методов. [...] Наконец, в его распоряжении еще имеются технические средства для насильственного физического убиения — технически совершенное современное оружие, которое с применением капитала и интеллекта делается столь неслыханно пригодным, чтобы в случае необходимости его действительно можно было использовать. для приложения таких средств образуется, конечно, новый, по существу своему пацифистский словарь, которому больше неизвестна война, но ведомы лишь экзекуции, санкции, карательные экспедиции. умиротворение, защита договоров, международная полиция, мероприятия по обеспечению мира. Противник больше не зовется врагом, но вместо этого он оказывается нарушителем мира и как таковой объявляется hors-la-loi и hors 'humanite[2]; война, ведущаяся для сохранения или расширения экономических властных позиций, должна быть усилиями пропаганды сделана «крестовым походом» и «последней войной человечества». Этого требует полярность этики и экономики. В ней, конечно, обнаруживается удивительная систематичность и последовательность, но и эта система, мнимо неполитическая и якобы даже антиполитическая, либо служит существующему разделению на группы друзей и врагов, либо же ведет к новому и потому неспособна избежать политического как своего неминуемого следствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В оригинале более строгая юридическая формула: отсылка к последующему и отсылка к предшествующему (Weiter und Rūckverweisung).

2. Обыгрывается важнейшее для социологии понятие «чужак», разработанное, в частности, Г. Зиммелем.

3. Это тоже выпад против Зиммеля, в социологии конфликта которого особенно подчеркивается роль «третьего», впрочем, не только беспристрастного судьи, но и «третьего радующегося», который извлекает выгоду вэ распри двух соперников.

4. Ernstfall, т. е. «серьезный случай», означает, по словоупотреблению, как правило, именно случай войны, значительную угрозу.

5. По-русски мы в таких случаях сказали бы, что такой-то, к сожалению, «не политик».

6. От латинского bellum — война.

7. jus bellum [as pacis] — право войны [и мира] (лат.).

8. Это классическая формула Гоббса, к которой неоднократно обращался Шмитт: «Трактат этот [...] не имеет другой цели, как лишь показать людям воочию взаимоотношение между защитой и повиновением, ненарушимого соблюдения которого требуют состояние человеческой природы и божественные законы (естественные и положительные)» (*Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 495).

9. Вне закона и вне человечности (фр.).